

УДК 811.161.1'373.6:177.6

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СУБСТАНТИВА 'ЛЮБОВЬ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. СОЛОДКАЯ

(Гомельский государственный университет им Ф. Скорины)

solodkaja.oksana@yandex.by

Представлен этимологический анализ русского субстантива *любовь*, который квалифицируется в научной литературе как единственное в современном русском литературном языке отглагольное существительное с суффиксом *-овь* с процессуальным значением. Значения, свойственные субстантиву *любовь* и однокоренным ему существительным, в славянских языках и говорах группируются вокруг понятий «женщина, жена», «растение», «желанность». Данные понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены: представления о растении и женщине объединяет понятие «плод», а понятия «желанность» и «женщина, жена» соотносятся как состояние и объект, на который оно направлено. Таким образом, внутренняя форма субстантива *любовь* связана с синкретичным представлением о женском начале. Языковой материал позволяет полагать, что абстрактное значение 'любовь' появляется позднее конкретного.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, семантика, лексическое значение, этимология, словообразование, субстантив.

Введение. Разночтения в вопросах членения слова, наблюдаемые в научной литературе и лексикографических источниках, требуют обращения к истокам слова, выявления его внутренней формы – признака, положенного в основу номинации при образовании нового лексического значения [1], – определения структурно-семантических преобразований на протяжении всего периода его функционирования в языке. Проблему происхождения слова позволяет решить этимологический анализ. Современная этимология видит цель этимологического анализа не только в выявлении этимона (то есть сочетания первичной формы и первичного значения), но и в определении модели образования слова в его фонетической форме, состава морфем и значения на базе соответствующей языковой системы [2, с. 13].

Для реализации цели этимологического анализа необходимо решение таких задач, как 1) определение исконного или заимствованного характера слова (с данным значением и структурой); 2) выяснение образа, положенного в основу слова как названия предмета объективной действительности (т.е. определение внутренней формы); 3) установление способа образования слова и соответствующей ему производящей основы; 4) реконструкция его старого значения [3, с. 30].

Непрерывным условием этимологического исследования является объективизм изложения. Ю. В. Откупщиков утверждает, что из трех аспектов этимологического исследования – фонетического, семантического и словообразовательного – наибольшей объективностью отличается словообразовательный аспект, который может быть отправным пунктом этимологического анализа [4, с. 209]. Словообразовательный аспект предполагает выявление исконной членимости слова. Для многих слов современного русского языка синхронная и историческая членимость не совпадает, именно в таких случаях выяснение происхождения слова оказывается обязательным. Цель работы заключается в установлении исконной членимости и выявлении внутренней формы субстантива *любовь*, выделяемого в современном русском языке как единичного образования с суффиксом *-овь* из числа deverbatивов с процессуальным значением [5, с. 163].

Основная часть. На синхронном срезе вопрос о производящей базе для рассматриваемого существительного решается однозначно: *любовь* образовано от глагола *любить*, – в отличие от его словообразовательных трактовок в диахронии. В этимологической литературе представлено несколько точек зрения относительно образования субстантива *любовь* < **l'uby*. Так, М. Фасмер и составители «Этимологического словаря белорусского языка» определяют в качестве производящего слова для праславянского **l'uby* прилагательное **l'ubъ(jь)* [6, т. II, с. 544; 7, с. 94]; в «Этимологическом словаре славянских языков» (далее – ЭССЯ) не дается комментария о производящей основе для **l'uby*, при этом содержится указание на соотношение его с **l'ubъ(jь)* [8, вып. 15, с. 186]. С.Б. Бернштейн говорит об образовании *ljubý – ljúbъve – ljubъvь* 'любовь' от глагола **ljubiti*. Этимолог также указывает на заимствованный характер древнерусского *любы*, источником заимствования выступает старославянский язык [9, с. 225].

Праславянский глагол **l'ubiti* традиционно принято считать производным от прилагательного **l'ubъ* [8, вып. 15, с. 176]. Составители ЭССЯ считают данное предположение сомнительным. Во-первых, глагол на **-iti* – это, как правило, типичный каузатив, однако славянское **l'ubiti* «лишено каузативного значения и обладает переходным значением отличного характера» [8, вып. 15, с. 176]. Во-вторых, праславянское «**ljubъ* 'милый, любимый' возводится к и.-е. **leubhos* 'то же', которое, в свою очередь, производится от и.-е. **leubh-* 'любить', т.е. глагольной основы». О.Н. Трубачев говорит, что «типологически

вполне допустимо, что парные отношения вроде **l'ubъ* – **l'ubiti* старше собственно славянского языкового состояния» [10, с. 183]. На основании выявленных несоответствий традиционной точке зрения исследователи делают следующий вывод: «самостоятельность **l'ubiti* в том, что касается семантики и грамматики, не дает возможности согласиться с распространенным мнением о прямой производности его от слав. **l'ubъ*; они оба продолжают еще и.-е. отношения» [8, вып. 15, с. 176], то есть отношения **leubhos* – **leubheje* [10, с. 183].

Имя существительное **l'uby* относится к типу основ на **-y* (**-ъv*) < **-û* и «представляет собой очень редкий случай имени с абстрактным значением», так как «почти все имена с основами на **-y* (**-ъv*) относятся к именам конкретного значения» [9, с. 225]. Кроме рассматриваемого **l'uby*, выявлено еще только одно абстрактное существительное с основой на **-y* (**-ъv*) – *цѣлы* < **cĕly* ‘излечение, исцеление’ [11, с. 1456; 8, вып. 3, с. 181; 9, с. 230]. В качестве производящего слова для **cĕly* устанавливают прилагательное **cĕlъ* ‘целый’, ‘неповрежденный’, ‘здоровый’ [8, вып. 3, с. 179–180], что может рассматриваться как подтверждение предположения исследователей об образовании **l'uby* на базе **l'ubъ(jъ)*. Если считать реконструкцию подобных словообразовательных отношений верной, то можно было бы говорить о словообразовательной модели «адъектив → субстантив».

Вопрос о словообразовательном форманте *-овь*, выделяемом в современном русском языке, в исторической литературе решается неоднозначно. Финаль *-овь* < **-ъvъ* некоторые исследователи рассматривают как результат выравнивания основы на **-y* < **-û*, в которой согласный *v* появился в результате изменения *ç* в интервокальной позиции: **-û* // *йç* [12, с. 156]. А. Мейе допускает, что «*û* является лишь нулевой ступенью от **-wā-*, т.е. *w* + *ə*». В данном случае «можно полагать, что **-iwā-* частично сохранилось»: например, наряду с мн.ч. *pelus* латышский язык имеет *pelavas*, этой балтийской основе на **-û* соответствует славянское слово на **-wā-*: ст.-слав. *плъвы* (мн.ч.) ‘мякина’, укр. *полова* и другие [13, с. 344].

Восточнославянским языкам известны родственные *любовь* субстантивы, имеющие то же значение, но отличающиеся финалью: русск. *любо* (*въ любѣ жити* ‘жить в любви, мире, согласии’ (XVII в.)) [14, с. 328], русск. диал. *люба*, *любава*, *любжа*, *любъ*, *любье*, *любяна* [15, с. 233, 235, 241], укр. *любоц*, *любость*, *люба*, *любва* [16, с. 319], *любоці*, *любість* [17, с. 386–387] и др. Разнообразие словообразовательных синонимов говорит о сложности словообразовательных отношений **l'ubъ* и **l'uby*.

Признавая важность установления словообразовательной структуры слова, нельзя не подчеркнуть и необходимость обращения к семантическому аспекту этимологического анализа. «Эволюция значений, – пишет О.Н. Трубочев, – не может не выразиться через эволюцию форм слов, тем самым – реконструкция значений тесно связана с реконструкцией форм, она во многом как бы читается через реконструкцию формы» [18, с. 4–5]. Реконструкция значений ведет к выявлению образа, положенного в основу слова, его внутренней формы, которая расширяет горизонты понимания слова, объясняет его сочетаемость с другими словами, семантические различия, существующие среди родственных анализируемому слову лексических единиц (как в одном языке, так и в языках одной семьи).

На синхронном срезе данное существительное многозначно: ‘чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо, основанное на признании глубокого значения, достоинства, на общих целях, интересах’; ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’, ‘о человеке, внушившем такое чувство’ (подается в лексикографических источниках с пометой «переносное»); ‘внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо’ [19, с. 434–436]. В предыдущие исторические периоды субстантив *любовь* также был многозначным: наряду с сохраняющимися в современном языке значениями ‘любовь, привязанность, благосклонность к кому-л.’ (с XI в.), ‘склонность, страсти, приверженность к чему-либо’ (с XI в.), ‘страсть, влечение к лицу другого пола’ (с XI в.), известны значения ‘мир, согласие; мирный договор’ (*На оудържание... межю хрѣтианы и Русью бывшую любовь* (911 г., Второй договор вел. кн. Олега с Греками по Ипатьевскому списку «Повести временных лет»); *Тако же и вы, Гръци, да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ наши Руськымъ...* (945 г., Договор вел. кн. Игоря с Греками)), ‘согласие’ (XV в.), (обычно во мн.ч.) ‘вечери любви, общие трапезы у древних христиан’ (*Яко не под<о>бает в недлѣю или въ црѣквахъ глѣмья любве творити и внутрь дому ясти и постеле стлати* (XVI в., Кормчая Балашева)) [14, с. 330–331; 11, с. 87–90].

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее ранним зафиксированным в памятниках письменности значением слова *любовь* является значение ‘мир, согласие; мирный договор’. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» подается целый ряд устойчивых выражений со словом *любовь*, употребленным в данном значении, что подтверждает его древность: *взяти любовь* ‘помириться; заключить мирный договор’, *положити межю собою любовь* ‘уговориться, согласиться’, *свести (смовити) в любовь* ‘помирить’ и другие [14, с. 331].

Значения, свойственные субстантиву *любовь* и однокоренным ему существительным, в основном представляющим собой морфологические и словообразовательные синонимы и варианты, в славянских языках и говорах группируются вокруг ряда понятий.

1. Понятие «растение». Восточнославянским языкам известны субстантивы с корнем *люб-*, называющие растения: русск. диал. *любжа, любим, любима (незабудка), любка, любвица, любовный, любов, любовь-трава, люб-трава, любавик* [15, с. 233–240]; укр. *любжа, любкі* [17, с. 386]; бел. *любчык, любім, любіста, любка* [7, с. 92–94]. В подавляющем большинстве случаев растения, называемые указанными словами, относятся к семейству орхидейных. Данный факт приобретает важность в связи с тем, что родовым названием растений названного семейства является слово *ятрышник* [20] (согласно В. И. Далю, используется также субстантив *ядришник*, помещенный в словарную статью «Ядро») [21]. Этимологи расходятся во мнениях о происхождении существительного *ятрышник*: 1) в связи с тем, что корень растения *Orchis maculata* использовался как приворотное зелье, предлагают считать производящим для *ятрышник* субстантив *ятровь* (<*jetry) ‘свояченица, жена брата мужа’, относящийся к тому же типу основ, что и *svekry, *luby, *zly и др. (то есть наименование растения толкуется как «цветок ятрови»); 2) другие связывают *ятрышник* с диалектным *ятро* ‘яйцо’, ссылаясь на *ядришник*, которое связано с *ядро* [см.: 6, т. IV, с. 569].

В случае родства существительных *ятрышник* и *ятро* ‘яйцо’ первый субстантив представляет собой кальку с древнегреческого: в древнегреческом языке *ὄρχις* служило для наименования рода растений семейства орхидейных и являлось анатомическим термином в значении ‘яичко’ [20; 22], – скорее всего, наименование растения мотивировано внешним сходством клубня с названным органом.

Однако есть также основания говорить о родстве существительного *ятрышник* и субстантива *ятровь*. Во-первых, следует принять во внимание точку зрения О.Н. Трубачева, который пишет: «даже такая, казалась бы, древняя группа, как названия частей человеческого тела [сравн. греч. *ὄρχις* ‘яичко’ – примечание наше – О. С.], во многих своих деталях восходит к обозначениям родства, рождения», то есть наименование органа человека образуется на базе термина родства, что, возможно, ставит в один ряд *ятро* ‘яйцо’ и *ятровь*. Во-вторых, индоевропейская терминология родства возникла в глубокой древности в условиях материнского рода и построена она на гиноцентрическом принципе. Этот принцип отражает такое явление вещей, при котором ориентировочной точкой родственных отношений является женщина. Гиноцентрический принцип родственной терминологии предполагает существование материнского счета родства (матрилинейности) и перехода мужа в клан жены (матрилокальность брака)» [см.: 23, с. 18]. Так, отражением данного принципа родственной терминологии, очевидно, следует считать пару *svekry (> *свекровь*) – *svekry, в которой существительное *svekry рассматривают как производное от *svekry [24, с. 144].

Некоторые исследователи высказывали мысль о том, что названия плодов (например *тыкы, моркы, смокы, брукы, плоды* и т.п.) и наименования свойства по женской линии в древности могли быть связаны, поскольку в сознании говорящих были связаны представление о женском начале и представление о плодородии [25, с. 57]. У *ятрышника* имеется клубень, разделенный на две части, – своего рода плод (хотя клубень – это видоизмененный побег растения, однако, например, клубень картофеля: с одной стороны – это часть корневой системы, а с другой – это плод), при этом клубни используют для размножения растений, что также указывает на некоторую ассоциативную связь с женщиной – дающей новую жизнь.

Возвращаясь к предположениям о происхождении названия *ятрышник*, отметим, что русское *ятро* ‘внутренности’, ‘ядра, яйца, шулята’ (‘яички’ [см.: 21; 6, т. IV, с. 486]) восходит к праславянскому *etro, рефлекс которого в других славянских языках имеют общее значение ‘печень’. Праславянский субстантив родствен древнеиндийскому *antrām* ‘внутренности’ [8, вып. 6, с. 72–73]. Этимологи возводят праславянское *etro к индоевропейскому *entro-m, где *en является предлогом-приставкой ‘в’, а *-tr- выступает как формант с пространственно-компаративной функцией [8, вып. 6, с. 72–73]. Триада растение – плод – женщина говорит, скорее, о том, что два указанных предположения о происхождении названия *ятрышник* взаимосвязаны, нежели противопоставлены. Так, яйцо является не чем иным, как плодом, в то же время печень – уникальный внутренний орган, имеющий свойство регенерироваться, т.е. значения связаны с понятием новой жизни, что неотделимо от представления о женском начале.

2. Понятие «женщина, жена». Некоторым славянским рефлексам праславянского *l’uby известны значения ‘жена’, ‘возлюбленная’: словац. *l’iba* ‘возлюбленная’, словен. *ljuba* ‘возлюбленная’, сербохорв. *љуба* ‘жена’, макед. *љуба* ‘возлюбленная’, ‘жена’, болг. *люба* ‘возлюбленная’, русск. диал. *люба* ‘любовница’ [15, с. 233; 7, с. 95]. Таким образом, отнесенность *l’uby к типу основ на *-i и семантическая соотнесенность его с группами субстантивов, называющих женщин по какому-либо признаку (*neplogy) и являющихся терминами свойства по женской линии (*jetry, *zly) [9, с. 230], заставляет задуматься над исходной семантикой существительного. Абстрактная лексика в группе имен с основой на *-y (*-ьy) представлена на славянском пространстве всего двумя субстантивами, производящие базы которых имеют значения, которые могут быть связаны с наименованиями женщины: 1) значение ‘жена’, ‘возлюбленная’ у некоторых славянских рефлексов прилагательного *l’uby и 2) значение ‘чистый, непорочный’, свойственное древнерусскому *цѣлыи*, восходящему к праславянскому *cělъ [8, вып. 3, с. 180]. Таким образом, возникает предположение о позднем образовании абстрактных значений у субстантивов *любы* и *цѣлыи*, вытеснивших исконные конкретные значения, и, следовательно, о позднем (в сравнении с другими) выделении группы абстрактных имен существительных с суффиксом -в- в русском языке.

3. Понятие «желанность». Этимологи устанавливают родственные связи между **l'ubъ* и следующими словами: лит. *liaupsė* 'почет; хвалебная песнь', *liaupsinti* 'восхвалять', др.-инд. *lúbhyati* 'желает', *lóbhas* 'желание, жажда', *lóbháyati* 'вызывать, возбуждать желание', гот. *liufs*, д.-в.-н. *liob* 'дорогой, милый'; с другим вокализмом: д.-в.-н. *lob* ср. р. 'хвала', гот. *lubains* ж. 'надежда', *galaubjan* 'верить', лат. *lubet, libet* 'угодно, приятно', *lubīdō, libīdō* '(страстное) желание', алб. *laps* 'желаю, жажду' [6, т. II, с. 544; 8, вып. 15, с. 176].

С семой желанности связано русское имя существительное *любки*, 'свобода, воля выбора; положение, где делаешь любое, что хочешь из двух или более предложений' [21]. В русских диалектах распространены также слова *любка́* (наречие) 'добровольно', *любки* 'пространство у кормы между двумя счаленными судами', *любный* 'выбранный по вкусу, по желанию, взятый на выбор' [15, с. 236–237]. Белорусскому языку известен субстантив *любки* 'часть разделенного на две доли, которую один из участников выбирает себе', возможно, заимствованный из русского языка [7, с. 94]. Семы 'добровольно', 'по своему желанию', то есть обоюдно, мирно, соотносятся с таким значением существительного *любовь*, как 'мир, согласие; мирный договор'. Данный факт заставляет предположить, что более ранняя фиксация (X в.) существительного в этом значении в памятниках письменности является отражением древних семантических процессов (см. выше).

Отнесенность значений субстантива *любовь* и родственных ему слов к каждому из рассмотренных понятий позволяет выделить сему, объединяющую все три группы. Так, значения, группирующиеся вокруг понятия «растение», обнаруживают ассоциативные связи со значениями, объединенными вокруг понятия «женщина, жена»: клубень используется для размножения растений – женщина как та, которая дает начало новой жизни. Понятие 'мир, согласие; мирный договор', выражаемое субстантивом *любовь* и родственными индоевропейскими лексическими единицами, имеющими семы желанности, в свою очередь, также соотносится с понятием «жена, возлюбленная». Так, сравним сербохорватское диалектное *mǐrba* (< **mir̥ba*), которое имеет значения 'примирение', 'визит родителей жениха к родным невесты с откупом' [8, вып. 19, с. 57], сербохорватское *mir* (< **mir̥*), имеющее значение 'плата за невесту (свадебный обычай)'. В дополнение к этому отметим, что модальное значение желанности предполагает наличие объекта, на который направлено действие, то есть, возможно, **l'uby* называло того, кого желают, любят.

Заключение. Приведенный материал позволяет сделать выводы о том, что в основе внутренней формы существительного *любовь* лежит представление о женском начале. Поскольку большая часть значений субстантива *любовь* и родственных ему существительных имеет конкретный характер, то можно предположить, что абстрактное значение рассматриваемого существительного является более поздним. Одновременно имеются основания говорить о семантике древнего корня как о диффузной, объединяющей вокруг семы 'женское начало' целый ряд смежных сем, ставших базой для направлений семантической эволюции («растение», «мир, согласие», «желанность»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Внутренняя форма слова [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева (гл. ред.). – Режим доступа: https://les.academic.ru/197/Внутренняя_форма_слова. – Дата доступа: 30.11.2018.
2. Варбот, Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях / Ж. Ж. Варбот // Исследования по русской и славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот – М.; СПб. : Нестор-История, 2012. – С. 13–28.
3. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 246 с.
4. Откупщиков, Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
5. Русская грамматика. В 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударения. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 788 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – Т. 2 : Е–Муж. – 2009. – 671 с. ; Т. 4 : Т–Ящур. – 2009. – 861 с.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэдкал.: Г. А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1978 – издание продолжается. – Т. 6 : Ліра–Маячыць. – 1990. – 288 с.
8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974 – Вып. 3. – 1976. – 199 с. – Вып. 15. – 1988. – 264 с. – Вып. 19. – 1992. – 254 с.
9. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы / С. Б. Бернштейн. – М. : Наука, 1974. – 378 с.

10. Трубачев, О. Н. [Рецензия] / О. Н. Трубачев // *Этимология 1974* / редкол.: О. Н. Трубачев (отв. ред.). – М. : Наука, 1976. – С. 182–183. – Рец. на кн. Sławski, F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* T. IV, zeszyt 4(19) : lodnica – łabędź / F. Sławski. – Kraków, 1973.
11. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1893–1912. – Т. III : Р–Я. – 1912. – 1684 с.
12. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для ун-тов / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М. : Высшая школа, 1981. – 359 с.
13. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе ; пер. П. С. Кузнецова ; под общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Издат. группа «Прогресс», 2001. – 500 с.
14. Словарь русского языка XI – XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975 – Вып. 8 : Крада–Лящина. / редкол.: Ф.П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – 1981. – 352 с.
15. Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1965 – Вып. 17. – 1981. – 383 с.
16. *Етимологічний словник української мови*. В 7 т. / редкол.: О.С. Мельничук (гол. ред.) [та ін.]. – Київ : Видавництво «Наукова думка», 1982 – Т. 3 : Кора–М. – 1989. – 552 с.
17. Словарь украинского языка. В 4 т. / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев, 1907–1909. – Т. II. – 1908. – 574 с.
18. Трубачев, О. Н. Реконструкция слов и их значений / О. Н. Трубачев // *Вопросы языкознания* / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – № 3. – С. 3–14.
19. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М., Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965. – Т. 6 / редкол.: С.Г. Бархударов (пред.) [и др.]. – 1957. – 1461 с.
20. *Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]* / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. – Дата доступа: 15.12.2018.
21. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Бука, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
22. *Древнегреческо-русский словарь [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>. – Дата доступа: 16.12.2018.
23. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. В 4 т. / О. Н. Трубачев. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2004–2009. – Т. 3. – 2008. – 800 с.
24. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Изд-во «Русский язык», 1999. – Т. II : Панцирь–Ящур. – 1999. – 560 с.
25. Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов ; под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 306 с.

Поступила 19.03.2019

ABOUT INTERNAL FORM OF SUBSTANTIVE ‘ЛЮБОВЬ’ IN THE RUSSIAN LANGUAGE

A. SALODKAYA

*The article contains an etymological analysis of the Russian substantive **любовь** ('love'), which is qualified in scientific literature as the only verbal noun in the modern Russian literary language with a **-овь** suffix with a procedural meaning. The meanings peculiar to the substantive **любовь** ('love') and the single-rooted nouns are grouped around such meanings as «woman, wife», «plant», «desire» in Slavic languages and dialects. These concepts are interrelated and interdependent: the concept of a plant and a woman combines the concept of «fruit, foetus», and the concepts of «desire» and «woman, wife» are related as a state and an object to which it is directed. Consequently, the internal form of the substantive **любовь** ('love') is tied to a syncretic understanding of female beginning. The language material suggests that the abstract meaning of 'love' appears later than the concrete one.*

Keywords: internal form of a word, semantics, lexical meaning, etymology, word formation, substantive.